

Доминик Ливен

РОССИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ: СЕМИЛЕТНЯЯ ВОЙНА В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Уинстон Черчилль был вполне прав, называя Семилетнюю войну первой в истории мировой войной. Во многих отношениях война, происходившая в 1756–1763 гг., имеет больше оснований для титула мировой войны, чем война 1914–1918 гг. Многие важнейшие сражения Семилетней войны происходили в Америке и Индии, а ряд наиболее серьезных долговременных последствий войны сильнее сказался не на Европе, а за ее пределами. Семилетняя война имела, по крайней мере, не меньшее значение, чем обе мировые войны XX века, еще в одном смысле. Англия, победившая в Семилетней войне, не являлась демократическим государством и даже не успела построить у себя полноценную либерально-капиталистическую экономику. Тем не менее она уже обладала вполне развитыми основами современного представительного правительства и современного капитализма. Семилетняя война, по сути, стала важным этапом на пути к созданию существующего и по сей день глобального либерального порядка с доминированием англоязычных стран. Первая и Вторая мировые войны, так же как и «Холодная война», представляли собой неудачные попытки разрушить этот порядок. Иными словами, мы до сих пор ощущаем на себе последствия войны 1756–1763 гг.¹

¹ Важнейшими работами о Семилетней войне являются: *Franz Szabo*. The Seven Years War In Europe 1756–1763. London, 2008 (военные действия в Европе); *Fred Anderson*. The Crucible Of War. New York, 2001 (война в Америке); *Richard Harding*. Seapower And Naval Warfare 1650–1830. London, 2002 (война на море); *H. M. Scott*. The Birth Of A Great Power System. Harlow, 2006 (международные отношения).

В данной статье сначала будет дан краткий обзор большой стратегии различных держав, принимавших участие в войне, и тех ресурсов, которые они могли выделить на ведение боевых действий. Затем я попытаюсь проанализировать итоги войны, учитывая как соответствующие структурные реалии военного дела середины XVIII в., так и более случайные факторы. Далее мы рассмотрим последствия войны в средне-, а также в долгосрочной перспективе. Статья завершается некоторыми замечаниями о природе и источниках глобальной силы как в XVIII веке, так и в ходе их последующей эволюции.

Из всех великих держав, участвовавших в Семилетней войне, наиболее очевидные и явные цели ставила перед собой Пруссия. Конфликт в Европе вспыхнул прежде всего из-за стремления Австрии вернуть себе Силезию, аннексированную Пруссией в 1740-х гг. Силезия давала Пруссии шанс на вхождение в число великих держав. Без нее прусский король был всего лишь одним из германских электоров, причем даже менее влиятельным, чем электоры Саксонии и Ганновера, одновременно являвшиеся королями Польши и Великобритании соответственно. Поэтому перед Фридрихом II стояла простая задача: удержать Силезию, хотя, разумеется, если каким-то чудом ему удалось бы захватить новые территории, это было бы более чем желательно.

Но эту в принципе несложную задачу, стоявшую перед прусским королем, решить было весьма непросто. 6 миллионам жителям Пруссии противостояла вражеская коалиция, насчитывавшая более 70 миллионов подданных. Правда, союзницей Пруссии была Великобритания, но на масштабы и гарантии ее участия в войне на материке не следовало особо полагаться. Кроме того, Пруссия не обладала естественными границами и оборонительными рубежами, а ее территория никогда не отличалась ни географической однородностью, ни реальным единством духа. Например, элита Восточной Пруссии во время войны без лишних колебаний присягнула на верность российской императрице. Отчасти именно острое осознание уязвимости Пруссии сподвигнуло Фридриха II на нанесение превентивного удара в 1756 г. Поступив так, он оказался в состоянии войны с Францией, которая была связана с Австрией оборонительным союзом. С другой стороны, ударив первым, Фридрих смог занять Саксонию, которая стала для него источником ресурсов вплоть до конца войны. По оценкам, в 1756–1763 гг. до одной трети всех прусских военных расходов выжималось из покоренной Саксонии. Без саксонской дойной коровы Пруссия не смогла бы так долго продолжать войну. Уже в то время, но прежде всего в свете прусско-немецкой истории XX века, насилие Фридриха над Саксонией легло в основу черной легенды об особой прусской агрессивности и безжалостности. Однако в реальности

пруссаки следовали примеру Швеции, властвовавшей на Балтике в предыдущую эпоху и также прославившейся агрессивным и безжалостным стилем военных действий, который компенсировал малую численность населения и нехватку ресурсов².

Правда, в Семилетней войне Пруссия обладала преимуществом наличия внутренних коммуникаций. Фридрих в некоторой степени мог использовать это преимущество, по очереди нападая на своих врагов и не давая им объединить силы. Даже французам, не говоря уже о русских, приходилось преодолевать огромные расстояния, отделявшие их базы от сердца Пруссии. Состояние военной логистики в XVIII в. придавало этому фактору решающее значение. Важным было также то, что к началу войны Пруссия имела наиболее вымученную армию в Европе. Умея маршировать в ногу и сохранять сомкнутый строй, прусская пехота могла передвигаться быстрее и производить более точные перестроения, чем ее противники. На этом основывались знаменитые «косые атаки» Фридриха, не раз принесявшие ему победу. Кроме того, прусская тяжелая кавалерия к 1756 г. также обладала наилучшей выучкой в Европе: она была способна к нанесению сокрушительных массированных ударов, а ее командиры были достаточно опытны и самоуверенны для того, чтобы овладевать инициативой и использовать любые возможности, открывающиеся на поле боя. Однако ценность этих активов в силу самой их природы с течением времени неизбежно снижалась. В ходе войны армия Фридриха лишалась профессиональных ветеранских кадров, выбитых в боях, теряя таким образом преимущества, связанные с опытом и подготовкой. Кроме того, прусская армия и государство не обладали принципиальным технологическим или организационным превосходством над противниками, которые без труда могли перенять прусскую тактику. Более того, со временем постоянные попытки Фридриха найти уязвимый вражеский фланг с целью нанести по нему косою удар стали предсказуемыми и, соответственно, не только бесплодными, но порой даже пагубными³.

Заключенным противником Пруссии в этой войне была Австрия. С тех пор, как Габсбурги были вынуждены расстаться с Силезией в ходе войны за австрийское наследство, их первоочередной задачей стало разбить Пруссию и вернуть себе эту провинцию. В принципе, колоссальное превосходство в ресурсах, обеспечиваемое обширными владениями Габсбургов, давало Ав-

² О Швеции см., например: *Robert Frost. The Northern Wars 1558–1721.* Harlow, 2000, особ. p. 274–279. Интересное сопоставление военно-политических экономик Швеции и Пруссии см.: *B. M. Downing. The Military Revolution And Political Change. Origins Of Democracy And Autocracy In Early Modern Europe.* Princeton, 1992. Chs. 4, 8.

³ О Пруссии см., в частности: *Dennis E. Showalter. The Wars Of Frederick The Great.* Harlow, 1996; *Christopher Duffy. Frederick The Great. A Military Life.* London, 1985.

стрии возможность решить эту задачу в одиночку. Однако, несмотря на важные правительственные и финансовые реформы, проведенные в 1740-х и 1750-х гг., австрийская монархия по-прежнему не могла сравняться с Пруссией в смысле эффективности фискальной и военной эксплуатации своего населения. Венгерские, итальянские и «бельгийские» подданные империи вносили крайне ограниченный вклад в наращивание ее военной и фискальной мощи, которая выковывалась главным образом в австрийско-чешском ядре габсбургской монархии. С другой стороны, военные и административные реформы, проводившиеся с 1741 г., позволяли австрийской армии приблизиться к пруссакам по уровню выучки, не говоря уже о численности. Более того, князь Кауниц проявил себя непревзойденным дипломатом, сколотив австро-русско-французскую коалицию, обладавшую гигантским превосходством в ресурсах, которое практически гарантировало победу.

В течение войны австрийская пехота зарекомендовала себя как дисциплинированная и храбрая сила. Во многих случаях она стойко выдерживала все прусские атаки, иногда хладнокровно и грамотно меняя позиции и перестраиваясь прямо под вражеским ударом. Австрийская артиллерия не уступала прусской, а легкие австрийские силы одерживали верх над пруссаками всякий раз, как дело доходило до «малой войны». Однако, несмотря на то что главным австрийским армиям время от времени удавалось производить успешные атаки, в целом они уступали прусским войскам в скорости маневра и старались меньше рисковать, предпочитая находить и удерживать сильные позиции, позволявшие отбивать атаки Фридриха. Хотя в тактическом плане такой подход часто бывал разумным, подобная оборонительная стратегия не отвечала необходимости выбить пруссаков из Саксонии и Силезии, без чего Австрия не могла бы достигнуть целей войны. Ответственность за такое осторожное поведение в первую очередь нес фельдмаршал Даун, сменивший некомпетентного князя Карла Лотарингского и командовавший главной габсбургской армией на протяжении почти всей войны. Императрице Марии-Терезии и князю Кауницу было очень трудно внушить австрийскому верховному командованию необходимость решительных и агрессивных действий. Кроме того, вожди Австрии не могли надеяться на то, что им удастся сравняться с прусским королем, который был талантливым полководцем и сам командовал своим войском⁴.

Русские методы ведения войны во многом напоминали австрийские. Российская императрица Елизавета, как и Мария-Терезия, стремилась к по-

⁴ Об австрийской большой стратегии и внутренних реформах см.: *Franz Szabo. Kaunitz And Enlightened Absolutism, 1753–1780. Cambridge, 1994.* Об австрийской армии см.: *Christopher Duffy. The Austrian Army In The Seven Years War. Vol. 1: Instrument Of War. Rosemount (Illinois), 2000.*

ражению Фридриха. Она видела в Пруссии потенциальную преемницу Швеции и соперницу России в борьбе за контроль над Балтийским регионом. Елизавета желала либо присоединить Восточную Пруссию к своей империи, либо обменять завоеванную прусскую территорию на вожделенные земли, входившие в состав Польши. Однако, как и Мария-Терезия, она не имела возможности заразить собственной энергией и агрессивностью своих полководцев, ведущих боевые действия в сотнях километров от российской столицы.

В ходе войны русская армия изумила Фридриха, первоначально отзывавшегося о ней с презрением, не только своей решительностью, но нередко и выучкой. Русская пехота продолжала сражаться даже после таких потерь, которые бы потрясли любое другое войско. Более того, русские солдаты, подобно австрийцам, продемонстрировали дисциплину, хорошую подготовку и профессиональное мастерство в способности гибко и хладнокровно маневрировать на поле боя под огнем противника. Именно этим качеством отличались профессиональные европейские армии, решительно превосходя в этом отношении, например, турок, чье недисциплинированное ополчение достаточно храбро сражалось, сидя за подготовленными укреплениями, но разбегалось во все стороны, сталкиваясь в открытом поле с дисциплинированными и мобильными европейскими армиями. Русская артиллерия была оснащена превосходными орудиями, а во главе ее стояли талантливые командиры. Русская кавалерия потенциально была лучшей в Европе, опираясь на неистощимый запас дешевых и выносливых лошадей. Однако на первых этапах войны у русских не имелось настоящей тяжелой конницы, и даже русские драгуны были плохо экипированы и подготовлены. Но к концу войны в русской кавалерии произошли существенные изменения к лучшему, и в сочетании с иррегулярной казачьей конницей к 1761 г. она могла сравниться с любым конным войском в Европе.

Двумя главными проблемами для России была логистика и политика. Русское командование не могло зимой наладить снабжение армии на прусской территории, по крайней мере до тех пор, пока в 1761 г. не был взят Кольберг. Поэтому в конце каждой кампании армии приходилось отходить на сотни километров к востоку, в глубину польских земель. В итоге кампании были очень короткими и начинались с того, что армия долго тащилась на запад через Польшу и Восточную Пруссию, сопровождаемая колоссальным обозом. Тем самым резко снижались ее возможности к проникновению в глубину Пруссии. Еще более серьезными были политические разногласия. Хотя императрица всячески стремилась нанести Пруссии поражение, отнюдь не все советники Елизаветы разделяли ее мнение о том, что Фридрих обязательно станет главным врагом и соперником России. Наследник престола, голь-

штейнский князь Петр, был горячим поклонником Пруссии. Императрица же старела на глазах, что не могло не сказаться на готовности многих высших военачальников и политиков к энергичному ведению войны⁵.

Во многих отношениях Семилетняя война реально представляла собой две войны. Первая из них велась в Центральной Европе, главным образом силами австрийцев, пруссаков и русских. Вторая происходила на морях и за пределами Европы и была войной между англичанами и французами; в 1760 г. в нее также вступили испанцы. Обе эти войны объединялись невозможностью для Франции и Великобритании уклониться от участия в конфликте на материке, хотя и в той, и в другой стране большинство политиков предпочло бы в нем не участвовать. Например, в Великобритании герцог Ньюкасл в 1754–1756 гг. делал все возможное для того, чтобы сделать Ганновер нейтральным и не позволить втянуть Англию в европейскую войну, но его политика вышла стране боком, в реальности лишь приблизив конфликт, который она была призвана предотвратить. Однако по иронии судьбы Англия от этого только выиграла, поскольку Франция была вынуждена выделить большинство своих ресурсов на континентальную войну, вследствие чего на долгие годы завязла в изнурительных и бесплодных европейских кампаниях.

Важнейшее отличие Великобритании от других держав состояло в ее островном положении. В результате главным гарантом британской безопасности автоматически становился флот. Во всех других державах армия обладала приоритетом над флотом, так как именно она защищала столицу и главные ресурсы страны. Вследствие колоссальных и непрерывно возрастающих расходов на ведение войны в XVIII веке и вызванных этими расходами финансовых кризисов становилось неизбежным, что в чрезвычайной ситуации любая великая держава, помимо Великобритании, относилась к содержанию флота как к роскоши. Однако в случае Великобритании память о вторжении 1688 г. вызывала тревогу о безопасности Британских островов, особенно с учетом имеющейся у врага возможности воспользоваться глубоководными нидерландскими портами и преобладающими попутными ветрами для нанесения удара по Англии. К концу войны за испанское наследство королевский британский флот освоил стратегию сосредоточения своих главных сил на западных подходах к Англии; эта стратегия была основана на правильной идее, что таким образом повышается возможность следить за французским флотом в Бресте, не пускать вражеские силы в Ла-Манш и защищать британ-

⁵ О российской большой стратегии и политике см.: *Walthar Mediger*. Moskaus Weg Nach Europa: Der Aufstieg Russlands Zum Europaischen Machstaat Im Zeitalter Friedrichs Des Grossen. Berlin, 1952. О русской армии см.: *Christopher Duffy*. Russia's Military Way To The West: Origins And Nature Of Russian Military Power, 1700–1800. London, 1981; *William Fuller*. Strategy And Power In Russia, 1600–1914. New York, 1992.

скую торговлю в ее наиболее уязвимом месте. Уникальность британской позиции состояла в том, что защита и метрополии, и международной торговли страны была возложена на военно-морские силы.

Кроме того, общенациональная поддержка флота обеспечивалась идеологией, при том что армия воспринималась здесь как потенциальное оружие отечественного деспотизма и средство для втягивания Великобритании в войны на континенте, ведущиеся ради защиты интересов чужеродной Ганноверской династии. Британская политика действительно в основном вращалась вокруг аргументов в пользу «придворной» (т. е. континентальной) или «национальной» (т. е. морской) стратегии. Интересно, что сходным образом развивались политические дебаты в России, где национальная стратегия в последние десятилетия XVIII в. понималась как экспансия на южном, направлении ради присоединения плодородных и ненаселенных степных земель и борьбы против турок в союзе с братскими православными и славянскими народами Балкан. Как и в Великобритании, эта стратегия противопоставлялась «придворной» стратегии, осуществлявшейся немецкой династией ради своих личных интересов и чаяний. Петр III, который взошел на престол в 1762 г. и вывел Россию из Семилетней войны, воспринимался как воплощение немца на русском троне. Отчасти именно по этой причине он был вскоре низвергнут и убит. Сходство между британскими и русскими дебатами по вопросу о большой стратегии не было случайным. Обе страны находились на европейской периферии и пришли к пониманию того, что экспансия на границах Европы или за ее пределами намного легче осуществима и более выгодна, чем продвижение в глубь европейского материка.

Основная часть британских военных расходов уже в течение долгого времени приходилась на долю флота. Однако во время Семилетней войны эти расходы, похоже, впервые принесли обильные дивиденды. Французский флот был уничтожен в битве, французская морская торговля ликвидирована, большая часть заморских владений Франции перешла в английские руки. Военно-морская сила была тесно связана с экономической и финансовой мощью. Содержание флотов обходилось исключительно дорого, а сами они воплощали в себе новейшие технологии. Верфи королевского флота представляли собой крупнейшее и наиболее передовое производственное и ремонтное предприятие в Великобритании. Международная торговля, осуществлявшаяся под защитой флота, обеспечивала значительную часть лондонского ликвидного капитала, который, в свою очередь, использовался для финансирования государства и его вооруженных сил. Великобритания победила Францию в Канаде далеко не в последнюю очередь потому, что потратила в десять раз больше средств для завоевания этой провинции, чем Франция выделила на ее оборону. Кроме того, в течение пяти лет войны

Британия могла себе позволить выплачивать крупные ежегодные субсидии Пруссии, без которых Фридриху II едва ли удалось бы содержать свою полевую армию. Одновременно с тем банкротство вынудило австрийцев сократить размеры своих войск, а французы из-за нехватки средств не могли вывести свой флот в море⁶.

Для Франции Семилетняя война обернулась катастрофой и унижением. В середине XVIII в. Франция оставалась потенциально сильнейшим государством Европы. Правда, в 1750-е гг. Россия превзошла ее по численности населения, но по сравнению с Россией Франция была более богатой и намного более образованной страной, обладавшей более развитыми технологиями и коммуникациями. С учетом размеров Франции и наличия у нее более передовой элиты и более многочисленного среднего класса, ей в принципе было гораздо легче мобилизовать свои обильные ресурсы, чем России. Даже без учета австрийских и русских союзников Франция имела намного более многочисленное население, чем Великобритания и Пруссия, вместе взятые. Тем не менее в ходе Семилетней войны *La Grande Nation* потерпела унижение на море от британцев, а на суше — от пруссаков. Даже кое-как сколоченная армия Фердинанда Брауншвейгского в течение многих лет отражала все французские попытки покорить Ганновер.

Унизительное поражение Франции в Семилетней войне поставило под сомнение большую стратегию, избранную Людовиком XV. Король прервал многовековую традицию войн с Австрией, заключив с ней союз. В принципе, это должно было позволить Франции избежать участия в европейских конфликтах и сосредоточить все свои усилия на борьбе с Великобританией. Однако Фридрих II, внезапно напав на Австрию, вынудил Францию к участию в континентальной войне в соответствии с условиями франко-австрийского оборонительного соглашения. Впрочем, этот неожиданный ход, вообще-то, играл на руку французам. Помогая вернуть Силезию австрийцам, те взамен требовали большую часть австрийских Нидерландов, присоединение которых создало бы постоянную угрозу для британской безопасности, при том что само по себе не должно было представлять особых затруднений, так как эти земли в основном были населены франкоязычными жителями. Наряду с этим, колоссальное численное превосходство союзников сулило относительно быструю победу над Пруссией, после чего Франции доставался богатый трофей — Ганновер, который при заключении мирного договора с Англией можно было обменять на уступки в колониях.

⁶ О политике во время Семилетней войны см.: *Brendan Simms. Three Victories And A Defeat. London, 2003*; *Richard Middleton. The Bells Of Victory: The Pitt — Newcastle Ministry And The Conduct Of The Seven Years War, 1757–1762. Cambridge, 1985*. О флоте: *N. A. M. Rodger. The Command Of The Ocean. A Naval History Of Britain 1649–1815. London, 2004*.

Сопоставление поведения Франции в Семилетней войне с ее же поведением в революционных и наполеоновских войнах весьма поучительно. Что касается осуществления стратегии, то армия, флот и казна Бурбонов проявили себя самым жалким образом. Но в смысле концепции, стоявшей за большой стратегией, возможно, что политика Бурбонов имела больше шансов на успех, чем попытки Наполеона создать в Европе французскую континентальную империю наперекор всем прочим европейским державам⁷.

Объяснить исход Семилетней войны, в принципе, можно, сравнив поразительную эффективность британского флота в 1758–1763 гг. как с его прежними действиями на морях, так и со слабой отдачей от австро-франко-русского военного превосходства на сухопутных полях сражений. Например, даже в войне за испанское наследство англо-голландский флот был намного сильнее французского, который в последние годы войны по большей части все равно не выходил в море, так как обанкротившееся французское правительство не могло финансировать военно-морские операции. Тем не менее, англичане и голландцы так толком и не сумели воспользоваться своим превосходством. Французские колонии отражали все нападения союзного флота и сухопутных сил, по Атлантике под охраной французских и испанских кораблей продолжали ходить испанские золотые конвои, а французские каперы собирали значительную дань с английского и голландского судоходства и колоний. Англичане получили по Утрехтскому миру крупные колониальные приобретения не благодаря успешным колониальным экспедициям, а вследствие побед британской армии на европейском материке⁸.

Напротив, в 1756–1763 гг. мы видим разительный контраст между размахом операций и мобильностью сил на суше и на море. Британские эскадры месяцами действовали у американских берегов и в Вест-Индии. Со своих баз в Индии англичане даже предприняли успешную атаку на Манилу. При этом австрийской армии не удалось закрепиться хотя бы в соседних Саксонии и Силезии. Попытки вторжения в Вестфалию и Ганновер и их удержания обернулись для французов огромными проблемами.

В значительной степени этот контраст был обязан различиям в военно-морской и сухопутной логистике. За предыдущее столетие британский флот создал необходимую инфраструктуру и накопил достаточный опыт

⁷ Об общей политической ситуации см.: *Jeremy Black*. From Louis XIV To Napoleon. The Fate Of A Great Power. London, 1999; о французской армии: *Lee Kennett*. The French Armies In The Seven Years War. Chapel Hill, 1967; а также: *Jean Delmas* (ed). Histoire Militaire De La France. Paris, 1992, главы 1–7; о флоте: *Delmas*. Histoire, глава 7; *Jonatban Dull*. The French Navy And The Seven Years War. London, 2005; *James Pritchard*. Louis XV's Navy 1748–1762. Montreal, 1987; см. также: *James Riley*. The Seven Years War And The Old Regime In France. Princeton, 1986.

⁸ О французском флоте в войне за испанское наследство см.: *James Pritchard*. In Search Of Empire. The French In The Americas, 1670–1730. Cambridge, 2004. Chapter 8.

для действий в глобальном масштабе. Это, среди прочего, включало в себя наличие огромных и хорошо оснащенных верфей в Великобритании, содержание заморских баз, должное внимание к корабельной медицине, а также умение решать исключительно сложную и затратную задачу снабжения крупного флота в море, пока он неделями патрулировал, прикрывая западные подходы к британским островам⁹. При этом сухопутным армиям пришлось дожидаться французской революции и Наполеона, чтобы освободиться от смиренной рубашки логистики, которая, по мнению многих историков, серьезно подрывала эффективность вооруженных сил XVIII века¹⁰. Австро-русские армии, одержав много дорогостоящих побед, явно не сумели в полной мере воспользоваться ими — не в последнюю очередь из-за того, что проблемы логистики не позволяли им зимовать на прусской территории до тех пор, пока не удалось захватить и удержать коммуникации и крепости, пригодные для использования в качестве охраняемых складов.

Тем не менее неэффективность сухопутных армий в 1756–1763 гг. не следует преувеличивать. Действительно, по стандартам Наполеона французские армии Ришелье и Брольи выглядят чрезвычайно тупыми орудиями. Но в отношении прусских войск этого уже не скажешь. Мобилизация прусских ресурсов, а также решительность, мобильность и агрессивность, выказанные Фридрихом II и его армиями, в конечном счете обернулись поразительными успехами. Да и правила войны к наполеоновской эпохе изменились не слишком радикально. Союзные армии, разбившие Наполеона в 1812–1814 гг., отличались значительным сходством с армиями Семилетней войны.

Скажем, русская армия в 1813–1814 гг. действительно была намного крупнее и во многих отношениях значительно эффективнее в тактическом и оперативном плане, чем те войска, что сражались с Фридрихом II. В кампании 1813 г. русская армия маневрировала и воевала в тех же местах, что и в 1756–1762 гг. Однако решающими в первую очередь оказались изменения, произошедшие за это время в военной логистике и политической ситуации. В 1813 г. Польша находилась под полным русским контролем и была выдоена с эффективностью, напомилавшей мобилизацию саксонских ресурсов Пруссией в 1756–1763 гг. Кроме того, Пруссия в 1813 г. находилась в союзе с Россией, и прусская администрация оказала значительную помощь в снабжении русских войск.

Семилетняя война и кампании 1813–1814 гг. также позволяют произвести любопытнейшие сопоставления в отношении коалиционной войны.

⁹ См.: *Rodger. Command; Harding. Seapower.*

¹⁰ *John Childs. Armies And Warfare In Europe, 1648–1789. Manchester, 1982; Christopher Duffy. The Military Experience In The Age Of Reason. London, 1987.*

Едва ли не главным спасением для Фридриха II стали нескоординированность и отсутствие доверия в рядах вражеской коалиции. В 1813–1814 гг. союзники по-прежнему не слишком доверяли друг другу, однако координация и решительности их действий сильно способствовал тот факт, что монархи союзных государств находились при армиях и были в состоянии подвигнуть своих полководцев на энергичное и уверенное управление войсками. И в первую очередь это относится к Александру I, без которого коалиция, возможно, никогда бы не была создана, не говоря уже о том, чтобы войти в Париж.

Однако, оценивая роль Александра I, мы должны также сопоставить роль случайности и личности как в Семилетней войне, так и в 1813–1814 гг. Несмотря на всю отвагу Фридриха и разобщенность в стане союзников, к зиме 1761–1762 гг. Пруссия оказалась на грани неминуемого поражения. Фридриха спасла лишь смерть императрицы Елизаветы. Во время Дрезденской битвы в августе 1813 г. пушечное ядро едва не попало в Александра I, смертельно ранив генерала Моро, который находился не далее чем в метре от него. Наследник Александра, великий князь Константин, не отличался ни склонностью к продолжению войны, ни дипломатическими и лидерскими талантами Александра. Если бы Константин в 1813 г. сменил Александра на престоле, результатом мог бы стать не менее неожиданный поворот, чем тот, который последовал за воцарением их деда Петра III в 1762 г. В случае гибели Александра Наполеон, вероятно, сохранил бы контроль над Германией и уж наверняка союзные войска не стали бы преследовать его за Рейном и свергать с престола¹¹.

Важно также не преувеличивать решающий характер и, прежде всего, необратимость британского превосходства на морях в 1763 г. Семилетняя война ни в коем случае не уничтожила Францию в качестве военно-морской и колониальной державы. Важнейшими источниками французской колониальной и военно-морской мощи были острова Вест-Индии с их сахарными плантациями и рыболовные угодья у Ньюфаундленда. Согласно Парижскому договору, которым завершилась Семилетняя война, Франция сохранила за собой и то, и другое. Частично на этой основе она воссоздала свой флот. Выучив уроки поражений 1756–1763 гг., Франция направила все свои ресурсы на конкуренцию в военно-морской сфере, в то же время последовательно осуществляя стратегию неучастия в конфликтах

¹¹ Скептического взгляда на коренные изменения в военном деле вследствие французской революции придерживался, например, Пэдди Гриффит: *Paddy Griffith. The Art Of War Of Revolutionary France 1789–1802*. London, 1998; более позитивную точку зрения см.: *John Lynn. The Bayonets Of The Republic*. Boulder, 1994. О русской армии и кампаниях 1813–1814 гг. см.: *Dominic Lieven. Russia Against Napoleon. The Struggle For Europe, 1807–1814*. London, 2009.

на материке, благодаря чему добилась успеха во время войны американских колоний за независимость. В отличие от Семилетней войны, испанцы вступили в американскую войну в тот момент, когда французский флот еще полностью сохранял боеспособность; кроме того, на стороне французов выступили голландцы, в результате чего над Англией нависла более реальная угроза вторжения, чем когда-либо в 1700–1815 гг. Англичане проиграли американскую войну, хотя по большей части отразили покушения французов и испанцев на свое военно-морское господство, не в последнюю очередь из-за того, что коалиционная война создавала на море не меньшие осложнения, чем на суше. Однако весь промежуток от завершения американской войны до начала французской революции отмечен лихорадочным наращиванием военно-морской мощи. Британское превосходство на морях в условиях сохранения франко-испанско-голландского союза подвергалось серьезной угрозе. По иронии судьбы, французская революция привела к резкому усилению Франции на суше, но в то же время серьезно ослабила ее военно-морской потенциал.

В то же время Великобритания в 1770-е и 1780-е гг. явно растеряла свое могущество, достигшее апогея в 1763 г. В 1783 г. она лишилась значительных территорий, обладавших намного большей ценностью, нежели все, что она приобрела в 1763 г. Видимый упадок Британии во многом обязан факторам, известным любому исследователю империй. По результатам Семилетней войны Великобритания единственная из европейских держав получила значительные территориальные приобретения. Это неизбежно порождало зависть. Британцы же сами навредили себе как безжалостностью, с какой они в войнах XVIII века использовали своих союзников на континенте, а затем бросали их, так и полным невниманием после 1763 г. к европейским делам и поглощенностью строительством заморской империи. Кроме того, колоссальная цена, заплаченная за победу в Семилетней войне, привела к типично имперской попытке заставить внешние провинции расплачиваться за безопасность империи. Северо-Американские колонии со своими представительными институтами и традиционными привилегиями во многих отношениях напоминали австрийские коронные земли. Попытки Иосифа II призвать своих венгерских, бельгийских и итальянских подданных к внесению «справедливого» вклада в оборону империи привели к бунтам, весьма похожим на восстание, бросившее вызов власти Георга III в колониях. Но в первую очередь англичане, как и многие другие строители империй, столкнулись с тем фактом, что сколотить империю гораздо проще, чем произвести достаточно быструю адаптацию местных институтов и ментальности, без чего невозможна консолидация обширных владений, неожиданно приобретенных благодаря военным победам. Когда Наполеон в 1793–1807 гг. благодаря экспор-

ненциально возросшей мощи сухопутных армий в одночасье стал хозяином Европы, он оказался в очень похожей ситуации¹².

Из всех европейских держав к 1789 г., на первый взгляд, наиболее усилилась по сравнению с 1756 г. Россия. Хотя Семилетняя война не принесла Российской империи территориальных приобретений, ее армия закалилась и набралась опыта за годы противостояния талантливейшему полководцу и самым обученным войскам в Европе. В 1768–1774 гг. русские воевали против Османской империи, которая уже тридцать лет не вела серьезных войн и не могла себе позволить содержать профессиональную пехоту и артиллерию. Итогом войны стала решительная русская победа, еще раз повторившаяся во второй войне 1788–1792 гг. Русские аннексировали свой собственный «новый свет» — иными словами, обширные, плодородные и почти незаселенные степные земли, которые со временем стали центром сельского хозяйства и угольной отрасли империи. На завоеванные земли хлынули колонисты, а царские наместники с поразительной быстротой создали на юге военно-морские базы и флот, господствовавший в Черном море, а временами действовавший даже в восточном Средиземноморье. Именно о российскую мощь, проявившуюся в царствование Екатерины II, разбились попытки Наполеона создать в Европе французскую империю. Даже в узком военно-оперативном смысле боевые действия на южном направлении против турок внесли большой вклад в поражение Наполеона. Российские казаки и регулярная легкая кавалерия в первую очередь были порождением кампаний на южных рубежах Европы, но они сыграли колоссальную роль в разгроме наполеоновских войск. Менее известен тот факт, что лучшая русская легкая пехота 1812–1814 гг. набралась опыта в бесконечных «малых войнах» на Балканах и против турецких союзников на Кавказе¹³.

Хотя возрастание российского могущества порождало в 1770-е и 1780-е гг. многочисленные опасения и вызывало возмущение в Европе, фактически оно стало решающим элементом в создании европейского баланса сил. Дискуссии об этом балансе осложняются неясностью того, о чем, собственно, идет речь — о самой концепции такого баланса или о скрывающихся за ним реалиях¹⁴. В отличие от современного Западного полушария

¹² О динамике развития империи см., например: *Michael Doyle*. *Empires*. Ithaca, 1986. Сопоставление Российской, Австрийской и Британской империй проводится мной в: *Dominic Lieven*. *Empire. The Russian Empire And Its Rivals*. London, 2001.

¹³ Об армии 1812–1814 гг. см.: *Lieven*. *Russia Against Napoleon*. Современного исследования русско-турецких войн до сих пор не написано, однако можно рекомендовать работу: *Virginia Aksan*. *Ottoman Wars 1700–1870*. Harlow, 2007.

¹⁴ См. об этом, например: *Paul Schroeder*. *The Transformation Of European Politics 1763–1848*. Oxford, 1994; *Evan Luard*. *The Balance Of Power. The System Of International Relations, 1648–1815*. London, 2002.

или от многих тысяч лет восточно-азиатской истории, принципиальной особенностью Европы в 1800–1945 гг. являлось реальное разделение силы между рядом более-менее уравновешивающих друг друга могущественных держав. Для одной страны захватить то, что можно назвать каролингским ядром Европы, было сложно, но не невозможно. Однако завоеватель, владеющий всей Францией, Германией, Италией и Нидерландами, сталкивался с наличием двух важных периферийных центров силы: по другую сторону Ла-Манша, в Великобритании, и за польско-белорусскими болотами, в сердце московских земель. Два этих периферийных центра силы были склонны к совместным действиям против всякого возможного европейского императора. Одновременный разгром обоих этих центров силы представлял собой грандиозную задачу, не в последнюю очередь из-за того, что требовал наличия военно-морских сил для броска через Ла-Манш и достаточно развитой военной логистики, необходимой не только для вторжения в Россию, но и для удержания русских земель вокруг Москвы и за ней. Наполеон стал первым, но не последним претендентом на роль европейского императора, не сумевшим справиться с этой задачей.

Именно в результате коалиционной войны, покончившей с Наполеоном, реально возникла концепция баланса сил, а вместе с ней — вера в «концерт» великих европейских держав, призванный поддерживать сложившуюся систему международных отношений. Однако концепция европейского баланса сил никогда не совпадала с его реалиями. Хотя Советский Союз не считался членом европейского «концерта», в 1941–1945 гг. он сыграл решающую роль в сохранении какого-то подобия европейского баланса сил. Впоследствии, несмотря на то что прежний баланс европейских держав остался в прошлом, эта концепция зажила собственной жизнью и превратилась в ключевой элемент представлений о международных отношениях в глобальном масштабе.

Несмотря на ключевую роль России в поражении Наполеона, главным победителем в 1815 г. стала Великобритания. Франция являлась ее вековым врагом. Победа над Францией значительно укрепила всемирную гегемонию Британии. Кроме того, отныне в пользу англичан работала вся система европейских международных отношений. Угроза создания французской континентальной империи напоминала другим великим державам о том, что в их интересах — поддерживать баланс сил в Европе. Существенным подспорьем для этого баланса являлось взаимное недоверие. Однако баланс сил на континенте делал неоспоримой британскую морскую и колониальную гегемонию.

Так мы возвращаемся от чисто европейского к глобальному контексту. К началу Семилетней войны в 1756 г. значительная часть мира находилась

под властью четырех великих империй: Испанской, Османской, империи Великих Моголов и империи Цин. Приобретение Великобританией статуса глобального гегемона было связано с упадком всех этих империй. С 1760 по 1789 гг. серьезной угрозой для Великобритании служило возрождение испанской державы и в первую очередь ее военно-морских сил. Испанию связывали с Францией не только династические, но и геополитические интересы. Однако к 1815 г. испанская империя и испанские военно-морские силы потерпели окончательный крах. Британия взяла под свой контроль Латинскую Америку, получая все экономические дивиденды обладания империей, но не неся никаких издержек, связанных с этим обладанием¹⁵.

Кроме того, англичане сменили великих моголов в роли властителей на Индийском субконтиненте. В ходе Семилетней войны этот процесс ускорился, но ни в коем случае не пришел к завершению. Британское завоевание Индии совершалось более-менее в наполеоновском духе: руками армии, окупающей свое содержание захватом богатых земель и их ограблением путем сбора налогов и другими средствами. Политическое господство позволило Британии, подобно Наполеону, подчинить своих новых подданных экономическому диктату. К 1815 г. доходы от Британской Индии были равны одной трети доходов Великобритании-метрополии: иными словами, они примерно соответствовали доходам Австрии, Пруссии и России. В течение Семилетней войны Индия и ее ресурсы были впервые использованы для того, чтобы распространить власть Великобритании далеко за пределы этого субконтинента, в данном случае — на Филиппины. Так был создан прецедент, неоднократно воспроизводившийся в течение следующих полутора веков. С точки зрения глобальной позиции Англии, важную роль также играл тот факт, что морская гегемония позволила англичанам лишиться власти индийских моголов, не опасаясь вмешательства других европейских держав. При этом сухопутная русская армия не имела возможности аналогичным образом разрушить и подчинить себе Османскую империю, не в последнюю очередь из-за британского вмешательства¹⁶.

Безусловно, величайшей империей в мире в 1750-е гг. по-прежнему являлся Китай, где правила династия Цин. Он вдвое превосходил Европу населением. В настоящее время историки экономики в целом сходятся на том, что в смысле как технологии, так и коммерциализации китайская экономи-

¹⁵ О распаде Испанской империи см.: *Jeremy Adelman. Sovereignty And Revolution In The Iberian Atlantic. Princeton, 2006.*

¹⁶ Об установлении британской власти в Индии см., например: *Christopher Bayly. Indian Society And The Making Of The British Empire. Cambridge, 1988;* *Peter Marshall. The Making and Unmaking of Empires. Britain, India and America, 1750–1783. Oxford, 2005.* Об Османской империи см., например: *Suraiya Faruqi (ed). The Cambridge History Of Turkey. Volume 3. The Later Ottoman Empire, 1603–1839. Cambridge, 2006.*

ка в середине XVIII в. находилась примерно на том же уровне, что и большинство стран северо-западной Европы. Именно в 1750-е гг. династия Цин окончательно покорила приграничные степные земли и создала там огромную провинцию, ныне называющуюся Синьцзян. Так была в конце концов устранена извечная угроза, создаваемая кочевниками на северных границах Китайской империи — угроза, в свое время погубившая не одну императорскую династию в Китае. Но за победами 1750-х гг. последовал глубочайший упадок, завершившийся в 1840-е гг. унижительным поражением в Опиумной войне. Почти пренебрежительная легкость, с которой Великобритания отправила армию на другой край света и разгромила прежде величайшую империю в мире, служила показателем резко возросшего могущества Соединенного Королевства. Тот факт, что это могущество использовалось для того, чтобы навязать Китаю импорт опиума, напоминает нам о том, что не стоит автоматически увязывать торговлю и господство на морях со свободой и гуманностью. То же самое можно сказать и о работорговле XVIII века, которая сыграла большую роль в обогащении Великобритании (и Франции) и стала основой для создания рабовладельческих плантаций, служивших важнейшим орудием глобальной капиталистической модернизации и в то же время в гуманитарном плане далеко превзошедших своей жестокостью самые неприглядные проявления крепостничества на европейском материке¹⁷.

К моменту Опиумной войны британская военная мощь начала пожирать плоды промышленной революции, в основе которой лежало использование энергии пара. Связь между развитием британской индустрии и победой в Семилетней войне и в наполеоновских войнах куда менее очевидна. Даже во времена наполеоновских войн, не говоря уже о середине XVIII века, индустриальные технологии и инновации почти не сказывались на технике военного дела. Недавний впечатляющий обзор¹⁸ истоков британской индустриальной революции показывает, что важнейшими причинами, сделавшими Великобританию первой в мире индустриальной державой, являлись обилие дешевого угля, высокая стоимость труда, высокий уровень британского инженерного дела и ремесленных навыков и масштабы лондонского рынка. Однако почти ни один из этих факторов не имеет очевидной или непосредственной связи с установленной к 1815 г. глобальной гегемонией Великобритании или с теми политическими, военными, коммерческими

¹⁷ В качестве хорошей ознакомительной работы о Китае XVIII в. можно порекомендовать: *Lynn Struve. The Qing Formation In World Historical Time. Cambridge (Mass), 2004*; см. также *The Cambridge History Of China. Cambridge, 2002 / Edited by W. J. Peterson. Vol. 9. Сопоставление Китая с Европой см.: R. Bin Wong. China Transformed. Historical Change And The Limits Of European Experience. Ithaca, 2002; Kenneth Pomeranz. The Great Divide. China, Europe And The Making Of The Modern World Economy. Princeton, 2000.*

¹⁸ *Robert C. Allen. The British Industrial Revolution In Global Perspective. Cambridge, 2009.*

и финансовыми обстоятельствами, которыми обеспечивались британские успехи на войне. В любом случае, большинство историков экономики стараются не объяснять экономические явления политическими причинами.

Очевидно, здесь не место для изложения причин британской промышленной революции, а кроме того, эта тема не находится в компетенции специалиста по императорской России. Однако кое-какие соображения, возможно, все же будут уместны. Во-первых, было бы странным, если бы военная, коммерческая и финансовая мощь Великобритании, так ярко проявившаяся в 1756–1815 гг., не имела бы никакой существенной связи с почти одновременным выступлением этой страны в роли первой в мире индустриальной державы. Во-вторых, британский флот успешно защищал королевство от вторжения. Если бы Наполеон или даже Людовик XV покорили Британию и военно-политическая мощь восторжествовала бы над экономической, то это, очевидно, оказало бы значительное влияние на британскую экономику.

По стандартам некоторых прежних империй эпоха британской глобальной гегемонии, связанная с промышленной революцией, была довольно краткой. Уже к последней четверти XIX века ей был брошен решительный вызов. Дело в том, что индустриальные технологии легко заимствовались, особенно странами, уровень образования и культуры в которых был сопоставим с британским. Некоторые из этих технологий — и в первую очередь железные дороги — оказали более сильное влияние на континентальные государства и их экономики, чем на Великобританию. Когда промышленная революция вышла за пределы Великобритании, европейский и мировой баланс силы начал меняться не в ее пользу. К 1900 г. мир был уже совсем иным, нежели в 1756–1815 гг., когда Британия во многом определяла его черты.

Одним из свойств этого нового мира, возникшего в XX веке, была все большая зависимость европейской, а в потенциале и глобальной мощи от конкуренции между силовыми блоками, самые эффективные из которых сочетали общие материальные интересы с определенной идеологической, а также этнолингвистической солидарностью. Один такой блок сформировался в германской Центральной Европе, где австро-германский союз 1879 г. покончил со столетиями соперничества, открыв новую эпоху, которая завершилась Великим Германским рейхом Гитлера. Отчасти в ответ на этот складывающийся германский блок Россия попыталась собрать родственные народы под лозунгом славянской солидарности. Эта политика привела лишь к частичному успеху до 1917 г., хотя впоследствии была, пусть и временно, возрождена к жизни под коммунистическими знаменами в 1941–1989 гг. Однако самым мощным и успешным стал англосаксонский блок, который сыграл ключевую роль в построении современного глобального либераль-

ного порядка и в его защите сперва от германской, а затем и от советской угрозы.

Именно в этом смысле однозначный триумф англоязычной Северной Америки в Семилетней войне сыграл явно ключевую роль, ничего подобного которой мы не увидим на протяжении почти всего XIX века. До 1880-х гг. немногие англичане рассматривали Канаду как серьезный оплот британского могущества. В некоторых отношениях длинная граница Канады с США с точки зрения стратегии делала ее потенциальной ахиллесовой пятой Великобритании. И, разумеется, ни один британец до последней четверти XIX века не считал дружбу с США чем-то самим собой разумеющимся. Напротив, Соединенные Штаты являлись не только коммерческим, но в некоторой степени — политическим и идеологическим соперником Великобритании. Эту ситуацию изменили новые глобальные геополитические вызовы конца XIX века — совместно с изменениями в британском и американском обществе. С того момента все более и более решающую роль в обеспечении британской силы и безопасности стала играть мобилизация ресурсов «белых колоний». Намного более ограниченные, чем американские ресурсы, они все же были задействованы на британской стороне с самого начала обеих мировых войн. Тем не менее выживание созданного британцами глобального порядка потребовало американской помощи в 1917 и 1941 гг., что впоследствии привело к захвату Америкой лидирующих позиций.

Очевидно, что мы живем совсем не в том мире, каким он был во время Семилетней войны. В некоторой степени с тех пор изменилась и сама природа силы, и составляющие ее компоненты. С другой стороны, корни современного глобального порядка весьма четко прослеживаются до XVIII века. Размышления о силовой политике, способствовавшей созданию этого порядка, весьма поучительны для понимания, что изменилось в природе силы за последние триста лет, а что осталось прежним. Сама сила, несомненно, является вечным и вечно изменяющимся феноменом, достойным изучения в тот момент, когда перед глобальным порядком, в котором доминируют англоязычные страны, встают грандиозные вызовы, сулящие его радикальную перекройку в течение следующих двух поколений.

Перевод с английского Николая Эдельмана